

Тове Дитлевсен (Tove Ditlevsen) (1917-1976) – датская писательница и поэтесса.

Родилась в рабочей семье в центре Копенгагена, к удивлению родных начала писать с детства. Не получив литературного образования, но обладая острой наблюдательностью и талантом передавать богатым образным языком тончайшие оттенки чувств, Тове Дитлевсен быстро вошла в круг самых известных датских писателей своего времени и до сих пор любима и почитаема также и за пределами своей родины. Тове Дитлевсен написала несколько романов и повестей, но наибольшую известность ей принесло поэтическое творчество. Она первая нарушила негласное табу в датской женской поэзии на право откровенно говорить о своих чувствах и переживаниях, делиться с читателями сердечными тайнами. Критики называли её язык «прозрачным», «пастельным», а её саму – чудом датской поэзии, традиционно суровой, сдержанной, аскетичной. «Тове Дитлевсен – нежный лотос в наших скандинавских лесах» – так писали о ней.

Предлагаемые парафразы стихотворений Тове Дитлевсен представляют два самых её известных поэтических сборника: «Девичья душа» и «Мир женщины».

Тове Дитлевсен
Фото из интернета.

Нина Гейдэ – писатель, литературный критик, переводчик с датского. Родилась в Москве, окончила факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. В настоящее время живёт в Дании. Председатель Европейского творческого союза «Огниво», созданного в Копенгагене с целью объединения творческих людей независимо от национальности. Основатель первого в Скандинавии русскоязычного журнала «Берег» (ныне – «Новый Берег»). Член Международной ассоциации писателей и публицистов, Европейского конгресса литераторов и Объединения русскоязычных литераторов Финляндии. Лауреат многих международных литературных конкурсов. Автор пяти сборников стихотворений, лирической прозы и переводов датской поэзии: «Тень незабудки», «Билет на «Титаник»», «Чёрный махаон», «Флорентийские полдни», «Беглый луч».

От переводчика

Весь день перевожу слова
по шаткому мостику смыслов
с берега на берег –
строю корабль-двойник
на поэтических верфях.
Как паруса похожи!

Область поэтических переводов загадочна и неизменно вызывает споры литературоведов. Возможен ли в принципе перевод стихотворения из одного семантического космоса в другой в тех профессиональных рамках, когда переводчик не выходит из роли скромного посредника? Или любой без исключения поэтический перевод – это особая творческая реальность, неизбежно и неизбежно несущая на себе печать личности переводчика и в такой же степени свидетельствующая о его поэтическом даре, как и о художественной ценности первоисточника? Ведь известно немало случаев, когда поэтический перевод оказывался талантливее оригинала и тем самым приносил автору мировую известность. В этом случае переводчик играл роль «не раба, а властелина» и создавал самоценное поэтическое произведение. Мне близка именно эта концепция перевода. Я убеждена, что хороший перевод – это не механическая, добуквенная «перелицовка» стихотворения с одного языка на другой, а прежде всего тонкая передача образного ряда, ассоциативных сопереключек и эмоциональной тональности переводимого текста, которая невозможна без творческой эмпатии переводчика.

Переводами датской поэзии я начала заниматься лишь после того, как выучила датский язык в совершенстве. Я не то чтобы не признаю переводы с подстрочников – я им не очень доверяю. На мой взгляд, хорошо переводить художественные тексты можно лишь, изучив особенности другого языка и проникнув в его душу. Чем глубже я погружаюсь в область поэтических переводов, тем больше убеждаюсь: датский и русский языки очень различны в способах конструирования мира и передачи душевных состояний. И часто буквальный перевод каких-то датских выражений может увести русского читателя совсем в другую сторону от творческого замысла автора, а в некоторых случаях даже прозвучать нелепо.

Интересно и то, что часто смысловую нагрузку несут интонационные особенности датского языка, а также его словообразовательные механизмы и прочие тайные «подводные течения» – межстрочные и даже межбуквенные перезвоны – которые непередаваемы по определению. Но переводить ведь очень хочется! Тем более что русский язык очень находчив, бескрайне вместителен и

фантастически изобретателен. Гибкий и многострунный русский язык в магическом действе перевода неизбежно добавляет датскому стихотворению своей метафоричности и метафизичности, своих образов и красок. Поэтому я и предпочитаю называть свои переводы датской поэзии вольными.

Лучше всего у меня получается переводить те стихи, которые трогают меня эмоционально, «поджигают», вызывают душевный отклик и жажду сотворчества. И в этом сотворчестве – поэтическом «сотворовстве» (такой я изобрела условный термин) – я порой позволяю себе некоторые вольности: могу увеличить эмоциональный напор стихотворения, высветить те скрытые «лабиринты ассоциаций», на которые автор указал лишь мельком и которые делают стихотворение глубже, интереснее, парадоксальнее. Иными словами, отражаю – преображая. Но, разумеется, никаких обобщений тут быть не может. С каждым стихотворением у переводчика складываются свои особенные неповторимые отношения.

Предлагаемые читателю вольные переводы стихотворений датской поэтессы Гове Дитлевсен мне очень дороги. Моя духовная и эмоциональная сопереключка с этой поэзией уникальна. Гове Дитлевсен помогла мне совсем по-другому воспринять и полюбить датский язык, а русский язык радостно принял в свои объятия её стихи. Я очень люблю стихотворения в рифму и не буду скрывать, что в нерифмованных поэтических текстах есть для меня что-то неполноценное. Гове Дитлевсен всегда писала в рифму, поэтому все мои переводы её стихотворений рифмованные. Но, в свою очередь, рифмованные переводы предъявляют к переводчику ещё более жёсткие требования, и нередко рифма тоже служит своевольным веслом, определяющим направление движения.

Я рада познакомить русскоязычного читателя с поэтическим творчеством Гове Дитлевсен, которое, на мой взгляд, не должно оставаться в границах одного лишь датского языка.

Желаю вам вольного полета души в ещё один неповторимый поэтический мир.

Нина Гейдэ

ВЕЧНЫЕ ТРОЕ

Всю жизнь, как тень, идут за мною следом
мужчины два: один мне мил и люб,
другой меня своим считает светом,
слова любви с его не сходят губ.

Один в моих запретных снах весенних
живёт желанной сутью бытия,
другой в моё стучится робко сердце,
но не могу его услышать я.
Один мне дарит наваждение счастья,
салютом озаряющего ночь,
другой мне жизнь отдать готов, но часто
мне часа подарить ему невмочь.
Один в моей крови блуждает негой
и страсти оживляет естество,
другой засыпан ревностью, как снегом,
но не желаю я согреть его.
О женщины, пред вами на коленях
не те, кого любить и вам дано.
Лишь раз в сто лет, быть может, два явленья
земной любви сливаются в одно.

РАССТАВАНИЕ

Безоблачным утром осенним
легко ты оставишь меня —
и вновь одиночества семя,
побегами грусти маня,
почти незаметно, неслышно
сквозь сердце моё прорастёт.
Ты будешь стоять неподвижно —
заката пылающий рот
твоё возвращенье предвидит
на несколько призрачных дней.
К тебе в поцелуе придвинусь,
лицо твоё станет бледней,
и тихо погаснет улыбка,
как в небе за тучей луна —
исчезнет последней уликой
любви, и разлука сполна
одарит тоской о прошедшем,
где в коконе общей судьбы
нам лживая молодость шепчет
легко обещанья свои.
Гонимая временем зыбким,
иду под вуалью дождя,
в юдоли земной, безъязыкой
небесной любви не найдя.

РЕВНОСТЬ

Пары музыка тасует.
Изваяньем нелюдимым
я стою – с другой танцует
целый вечер мой любимый.
Ах какую ей улыбку
лучезарно молодую
дарит он – так юность скрипку
вдруг берёт и с ней колдует.
Той мелодией забытой
я сама пьяна бывала –
сколько в жарких танцах сбито
каблучков, а мне всё мало!
Налетел тревоги ветер:
на меня не смотрит милый –
обо всём забыв на свете,
окрылённый и счастливый
он с другою кружит в вальсе,
нашу стаптывает память –
взгляд красотки томно властный
приковал его цепями.
Ярких губ её пещера
приоткрыта дерзкой тайной,
и моя разбита вера
в оберег наш обручальный.
Так любовь уходит дымом,
лишь тоски надсмотрщик вечен.
Изваяньем нелюдимым
я стою одна весь вечер.

ВОЗЬМИ МОЁ СЕРДЦЕ В РУКИ

Возьми моё сердце в руки,
возьми осторожно, нежно –
оно ведь теперь твоё.
Как билось оно тревожно
в бескрайней метели снежной –
теперь оно так спокойно,
теперь ведь оно твоё.
В любви обретая силу,
мудрей становясь в разлуке,
к тебе одному стремится,

тобою одним живёт.

Возьми мое сердце в руки,
не отпускай вовеки,
так радостно сердцу биться –
оно ведь теперь твоё.

В ладонях твоих, мой милый,
пусть сердцу легко поётся,
но помни всегда отныне,
что если в бессилье слов
вдруг сердце замрёт в кручине,
заплачет и разобьётся –
твои не сумели руки
мою удержать любовь

ДВА ВЕЧНЫХ ПЛАМЕНИ

Два пламени в моём бушуют сердце.
Одно – надежда, что любима я,
другое – страх, что даже оглядеться
я не успею, и разлуки тьма
падёт на мир, оставив горстку пепла
взамен костра высокого любви.
Вот так всю жизнь, когда от счастья пела,
измены ноту слышала в крови,
и сердце, как птенец незащищённый,
металось в ожидании беды.
Расстанемся сейчас, пока ещё мне
жестоких слов сказать не можешь ты.

СЧАСТЬЕ МОЁ

Счастье моё поселилось в твоём доме –
больше нигде на земле ему нет приюта.
Если прогонишь – уйдёт навсегда во тьму,
а позовут другие – оглохнет будто.
Женщины есть, что из страсти в другую страсть,
душу не рая, беспечно всю жизнь кочуют.
Собственный смех им отрада, в их сердце – рай,
скрытый от боли, как воин в бою, кольчугой.
Есть и другие женщины – им велит
их естество стать с любимым единым целым.
Всё потерять они могут, и риск велик –
жить у разлуки под вечным слепым прицелом.

Милый, надёжнее счастье моё храни –
словно ребёнка, прижми его к сердцу крепче.
Если уронишь – бесцветными станут дни,
ночи – обрывом в ад, где лукавы речи.

ТРИСТА СЕКУНД

Как ты был во сне прекрасен – всю ночь на тебя смотрела
и лишь на рассвете нежно заснула на пять минут.
Теперь ты ушёл, и в сердце летят сожалений стрелы,
что триста секунд счастливых назад уже не вернуть.
Могла бы ещё я слушать, любимый, твоё дыханье,
к щеке твоей прижиматься пылающею щекой
и чувствовать, как тревоги и страхи твои стихают,
всей жизнью своей сливаться с тобой – как ручей с рекой.
Теперь ты ушёл, и радость покинула дни и ночи –
ты стал не судьбой моею, а лишь черновой строкой
в стихах, где так много пауз, пробелов и многоточий,
в стихах, что с разлукой слиты навек, как ручьи с рекой.

ГОЛОС ДЕТСТВА

Живёт во мне и умирать не хочет
та девочка, которой я была:
в озёрах глаз – в зеркальных дебрях ночи –
вдруг промелькнёт на миг, легка, смела.

Всё ловит блики солнечного лета
в метели участвовавших потерь
и ищет улетевшую бесследно
любовь – уже бескрылую теперь.

И право же, кого ещё спросить ей,
где молодость беспечная парит?
Где радость вдохновения и сила?
В какую землю мой талант зарыт?

Но лишь в ответ струящейся печалью
по стёклам дождевые письма.
Так быстро, что сама не замечаю,
смывают годы лица, имена.

Но девочка жива во мне, и голос
её, как шум ручья, не заглушить.
Всё шепчет мне: о будни раскололась
твоя мечта, и вся наука жить

свелась к тому, чтоб хлеб добыть насущный.
Ты обрела семью, детей, друзей,
но ты одна и круг житейский сужен
до точки в суетливой гонке дней.

Но вот моя рука – пойдём скорее
в твой город детства в дымке голубой.
Там в доме печь старинная согреет,
и освежит лицо морской прибой.

Там на качелях ветра раскачает
тебя мечта и в небо унесёт –
ты устремись лёгкая, как чайка,
в свой светлый мир любви – за горизонт.

А что же я? Закрыв глаза устало,
той девочке твержу: так много лет,
прошло с тех пор, как я во сне летала,
минувшего знакомый силуэт

почти не различим в дали туманной,
но только ты живи во мне, живи –
та девочка, чья вера не обманет,
чей голос, как хрусталь, в моей крови –

тяжёлой, тёмной, рвущейся к последней
земной черте – её перешагну,
когда во мне навек исчезнет след твой,
и память не нарушит тишину.